

Шел тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Михаил Горбачев еще был генеральным секретарем ЦК КПСС, а не первым президентом СССР. Школьников по-прежнему скопом принимали в пионеры и в комсомол, но и то, и другое стало модным высмеивать в суперпопулярном телевизионном КВН и ругать в не менее популярной программе «Взгляд». В толстых журналах печатался «Реквием» Ахматовой и «Интердевочка» Кунина. На киноэкранах бомбой взорвался фильм «Маленькая Вера», а в ларьках звукозаписи спрашивали альбомы «Группа крови» и «Князь тишины». До появления в киосках «Союзпечати» газеты «СПИД-инфо» и начала массового сексуального просвещения населения СССР оставался год. До вывода последних частей «ограниченного контингента» советских войск из Афганистана — чуть больше полугода, а до первой чеченской войны — почти шесть лет.

А в маленький гарнизонный Дом офицеров Советской армии на окраине большого дальневосточного города устроилась на работу новая библиотечарша.

— Страшенькая она, — разочарованно протянул Ваган, моргая карими глазами и рассеянно потирая затылок, словно пытаясь отыскать там выразительную копну черных кудрей, а не колючий ежик едва отросших волос, к которому он так и не привык.

Внезапно очутившись в приамурской тайге вместо родного Еревана, Ваган ко многому еще не смог привыкнуть

— Некрасивых женщин не бывает, запомни, салабон, — авторитетно возразил Сашка.

Сашка был «дедушкой», аборигеном и казановой местного разлива, грозой и отрадой всех окрестных представительниц слабого пола от семнадцати до семидесяти, очарованных его шальными зелеными глазами и улыбкой, лихой или томной в зависимости от ситуации.

— Бывает мало водки, — язвительно закончил Багдат, второй «дедушка» Дома офицеров. «У-у, татарское иго, зубробизон», — уважительно именовал его Сашка. Багдат и вправду был смуглым, могучим — на голову выше остальных пацанов — и любил давить в кулаке грецкие орехи, которые Вагану регулярно присылала мама.

— Водка тут вообще ни при чем, — укоризненно поморщился Сашка. — Каждая баба — шкатулка с сокровищами, нужно только уметь подобрать к ней ключ.

— И что, будешь подбирать? — вытаращил голубые наивные глаза рыжий Васька. Он прослужил тут уже год, из разряда «духов» с появлением Вагана перейдя в более почетную касту «щелгов». — Она же целка, сразу видно. Еще и в очках.

Сашка отвесил ему необидный подзатыльник и вздохнул. Салаги совершенно распустились.

— В общем, эту поляну топчу я, а вы не лезьте, — сурово приказал он остальным «битлам», разгильдиям и охламонам, как их именовал начальник Дома офицеров подполковник Казанцев.

«Битлы» сидели рядком на деревянной, ими же старательно выкрашенной сцене актового зала. У них только что закончилась репетиция. Через несколько дней им, то есть гарнизонному вокально-инструментальному ансамблю «Голубые погоны», предстояло выступление на концерте в честь Дня воздушного флота СССР.

Хотя им отчаянно хотелось петь «Группа крови на рукаве» и «Казанова, Казанова, зови меня так» (они могли бы спеть это даже во сне), но приходилось разучивать «Не зря в судьбе алеет знамя, не зря на нас надеется страна». Капитан Калинин, отвечавший за репертуар своего подневольного ВИА, не признавал «Кино» и «Нау» даже на репетициях. Так что «в судьбе алело знамя»... И точка.

Это было обидно, но против лома, как говорится, нет приема. Поэтому «Голубые погоны» уныло готовились петь про знамя. Погоны у них в самом деле были голубыми, ибо их часть обслуживала аэродром при местном авиазаводе.

Еще «битлы» являлись, соответственно, бесплатной рабсилой для всего Дома офицеров. Они подметали здесь двор, мыли полы, оформляли стенды с изображениями противогазов и ядерных грибов на горизонте. Малевали стенгазеты и плакаты для своей части. Высаживали цветочки на клумбах и чинили изгородь. Чистили деревянный курятник-сортир во дворе и шоферили на «газике», прилагавшемся к очагу культуры. Служили Родине, в общем.

Поскольку Сашка был местным уроженцем, ему повезло больше всех — хотя бы не пришлось акклиматизироваться. Остальные же «битлы» ехали сюда через всю страну: Васька — из-под Твери, Багдат — из Самарканда, а Ваган, представлявшийся учеником знаменитого фокусника Арутюна Акопяна, — из армянской столицы. Свой первый фокус он, кстати, продемонстрировал всем сразу по прибытии, зимой, когда его отправили чистить пресловутый сортир. Он сперва долго стонал, что ему необходимо беречь руки, а потом примотал шланг к крану в умывальне и за двадцать минут превратил сортир и дорожку к нему в каток. Морозы в те дни ломили под сорок. Скальвая лед ломали, остальные «битлы» грозились Вагану побить, но простили, видя его искреннее раскаяние.

«Битлы» даже ночевали здесь же, в каптерке, а не в казарме, когда подполковник Казанцев закрывал на это глаза. В каптерке было всего две лежанки, занимаемые Сашкой и Багдатом по священному праву «дедов», а Ваган с Васькой безропотно спали на полу, бросив туда ветхий матрас. Все лучше, чем в казарме, где их нещадно дрючили бы офицеры и «старики». Сашка с Багдатом оказались не такими уж заядлыми «дедами».

В Доме офицеров имелся и видеосалон, возможностями которого тоже всю пользовались «битлы». Конечно, подполковник Казанцев строго требовал, чтобы кассирша Наташа, по совместительству билетерша, после сеансов запирала все

кассеты под замок, но они же кругом продавались! Вполне можно было скинуться на «Глубокую глотку», «Эммануэль» или «Конана-варвара». И «битлы» скидывались. Они смотрели все это добро по ночам в крохотном видеозале, старательно заметая за собой следы, поскольку за эдакое нарушение Устава подполковник Казанцев запросто сослал бы всех четверых в другую часть, километров за сто от Благословенного Дома офицеров, в глухую тайгу, — кормить комаров и чистить гаубичные стволы.

Самый кайф у «битлов» начинался, когда после просмотра «Глубокой глотки» им удавалось проташить в каптерку на тот же матрас какую-нибудь веселую шалаву, чтобы поделить ее по-братски, если она была не против. А шалавы обычно не противились, особенно когда Сашка напирал на них со всей сокрушительной мощью своего кобелиного обаяния, ухарски шуря зеленые глаза. Даже если бы Сашка не пел под гитару нежным лирическим тенором есенинские романсы, убийственная аура, распространяемая им, как радиоактивное заражение, действовала не только на окрестных шалав, но и на холеных офицерских жен.

Остальные «битлы» тоже были хоть куда: симпатичные, смешливые и ласковые, так что им ни разу не довелось платить шалавам — все проистекало полюбовно. Тратиться им приходилось только на дефицитные резиновые изделия номер два, но у Сашки были связи и среди местных аптекарш, так что никто из парней ни разу ничего не подцепил.

Вот такая обстановка была в гарнизонном Доме офицеров Советской армии (сокращенно — ДОСА), когда Варя Скворцова пришла туда заведовать библиотекой.

Прежняя завбиблиотекой Алла Владимировна уехала вслед за мужем-майором в другой гарнизон. Не то чтобы солдаты прямо рвались в библиотеку, но это было тихое цивильное место с мягкими стульями, полное умных книг и интересных журналов, самым захватывающим из которых был «Советский воин», на третьей странице обложки которого всегда красовалась «девушка месяца» в купальнике. Самые ушлые солдаты-читатели умудрялись еще при Алле Владимировне отчекрывать наиболее грудастых красавиц лезвием «Нева», чтобы утащить к себе в казарменную тумбочку и там намертво прилепить к обратной стороне дверцы.

Но храм мудрости и красоты был закрыт на замок и опечатан с самого начала года. Поэтому, когда Сашка, направляясь к библиотеке, увидел, что подполковник Казанцев выводит из своего кабинета молодую девчонку в очках, с гладко зачесанными в хвостик светлыми волосами, то быстренько наострил уши и осторожно двинулся следом. Для пущей конспирации даже стенд с поломанными рейками под мышку прихватил.

Девчонка, кстати, была одета безобразно. Сашка даже не мог разобрать, какая у нее фигура под старомодными тряпками — темной длинной юбкой и кофточкой, будто бы вытащенной с бабушкиных антресолей.

Подполковник отлепил от дверного косяка библиотеки пластилиновую красную блямбу печати, деловито побрякал связкой ключей и открыл замок.

— Вся документация в полном порядке, Алла Владимировна оставила ее здесь же, в библиотеке, — разливался соловьем подполковник. — Инвентарные книги и все прочее. Фонд не очень большой, но все необходимые журналы выписываются. «Советский воин», «Военная мысль», «Политическое образование», даже «Наш современник» и «Юность». Кстати, — он многозначительно воздел кверху палец, — необходимо периодически собирать военнослужащих в актовом зале для

проведения культурно-воспитательных мероприятий. Бесед, например. О вреде неуставных отношений!

Девчушка поправила очки и серьезно кивнула. Она казалась совсем маленькой рядом с монументальным Казанцевым.

— Я сейчас пришло вам ребят-срочников, они вымоют здесь полы и окна, — бодро заверил тот.

— Что вы, я сама! — застенчиво пробормотала девчушка, и Казанцев нахмурился.

— Эти лодыри все равно шатаются без дела, а у них тут, между прочим, служба, — он резко обернулся и, конечно, сразу углядел Сашку с речным стендом под мышкой, пялившегося на них из-за угла коридора. — Вот, пожалуйста, экземпляр. Рядовой Богданов!

— Я! Здрав-жлаю-трищ-подполковник! — браво гаркнул Сашка, поставив чертов стенд на пол. Спихватившись, он выдернул из-под ремня заткнутую туда пилотку, проворно нахлобучил ее на голову и лихо козырнул.

— Деятель! — скорбно констатировал подполковник. — Если этих орлов делами не занимать, Варвара Андреевна, они распустятся вконец. Поэтому пусть отдраят вам библиотеку.

По Сашкиному мнению, подполковник с удовольствием ввел бы для всего своего ансамбля порку шпицрутенами, как в царской армии, и был бы не так уж неправ. Но мнения своего он благоразумно не высказывал, стоял, вытянувшись по стойке «смирно» и преданно ел глазами начальство. А заодно и Варвару Андреевну, новенькую библиотекаршу лет двадцати, в очочках и со светлым хвостиком на затылке.

«Страшенькую», — как высказался потом на репетиции балбес Ваган. Но сперва они вчетвером старательно отдраили библиотеку и вылили грязную воду из ведер в «очко» сортира. Сама Варвара Андреевна лишь мельком показалась в библиотеке, пока они там шуршали: тихонько поздоровалась, промямлила: «Не буду мешать» и растворилась в обшарпанных коридорах Дома офицеров. Там, судя по галдежу, к ней немедля кинулись Марья Васильевна, отвечавшая за разные рукодельные кружки, и кассирша Наташа — чтобы опекать и расспрашивать, а потом и сплетничать о новенькой.

Но когда «битлы», сняв гимнастерки, сами принялись плескаться возле двух умывальников в закутке у каптерки, Варвара Андреевна как раз завернула туда же из своей чистой библиотеки. С большой банкой из-под дефицитных болгарских огурчиков в руках. Небось перетаскала обратно в библиотеку цветы, вынесенные после отъезда Аллы Владимировны в фойе, и решила их полить, догадался Сашка.

— Что же не сказали, мы бы вам сами все эти горшки перекидали, — весело укорил он библиотекаршу, пытливо изучая ее реакцию на присутствие рядом четверых полуголых парней.

Однако его ждало некоторое потрясение. Варвара посмотрела на них сквозь очки безо всякого смущения, приветливо и с одобрением, словно... словно на те же цветы! — пришло Сашке в голову. И ответила серьезно:

— Ну что вы, зачем! Вы и так все за меня сделали. Спасибо вам большое.

«Вот так, значит», — удивленно подумал Сашка. А потом содрал с шеи у Вагана вафельное полотенце, вытер мокрые руки, протянул Варваре ладонь и важно представился:

— Александр.

— Ваган, — радостно высунулся вперед Ваган. — То есть рядовой Оганесян.

— Сержант Сейфуллин, — пробурчал Багдат, хмуро глядя на библиотекаршу. — Багдат. А это Васька, — он хлопнул рыжего по плечу, так что тот чуть присел. — Салага рыжая, он же рядовой Иваненко.

— Очень, очень приятно, — горячо заверила Варвара, с готовностью протягивая тонкую руку каждому по очереди. — Я — Варя, называйте меня, пожалуйста, именно так и на «ты», а то мне как-то неудобно.

— На брудершафт-то мы не пили, — нахально ввернул Сашка, включив свою самую невинную улыбочку.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Варвара, озадаченно моргнув. — Я вообще не пью.

— Вы, наверное, только что школу закончили, да? — вылез с догадкой рыжий.

— Ну что вы! То есть ты, — Варвара тихонько засмеялась. — Я уже даже институт заочно закончила, библиотечный, мне двадцать три года. Я просто долго работала в школе, тоже в библиотеке. Сразу после десятого класса туда пришла. Я люблю с детьми... но мама узнала, что здесь освободилось место.

— У моей мамы идея фикс, — продолжала она, переводя доверчивый взгляд с одного «битла» на другого, — выдать меня замуж. Тут ведь офицеры, не то, что в школе, — она вздохнула и развела руками. — Я живу с дедушкой и с мамой. Ну вот, она меня пилила и пилила, пока я сюда не перешла. Но замуж я не собираюсь.

— Как, вообще? — промурлыкал Сашка. Господи, да она все про себя сама выложила, как в детсадовской песочнице! Он рассмотрел ее вблизи. Фигурка ее, скрытая под мешковатыми шмотками, была ничего себе, по крайней мере, грудь и задница вполне себе имелись. И ноги длинные, Сашка понадеялся, что не кривые. Но косметики — ноль, ни капли, ни на губах, ни на ресницах. Носик остренький и длинноватый, а серые глаза зрительно уменьшались толстыми стеклами очков в уродливой оправе. В общем, Варвара Андреевна была несимпатичной и совсем не умела скрывать недостатки своей внешности.

Не то чтобы Сашка стремился незамедлительно окучить новую библиотекаршу — он в своем Доме офицеров обычно не рыбачил, ибо хлопот потом не оберешься — но охотничью стойку сделал автоматически.

— Нет, ну если влюблюсь, тогда, конечно, выйду, — объяснила Варвара все так же доверчиво и серьезно, прижимая к себе банку с водой. — В общем, вы приходите ко мне читать, ребята, не стесняйтесь, я уже разобрала все журналы за полгода.

Она улыбнулась и ушла, постукивая каблучками. «Битлы» озадаченно посмотрели ей вслед, потом друг на друга.

— Правда такая наивнячка или прикидывается? — требовательно спросил Сашку Багдат от общего имени.

— Я выясню, — уверенно пообещал Сашка.

Наступил День Воздушного Флота СССР, то есть праздник всего гарнизона вообще и Дома офицеров, в частности. «Битлы» летали по очагу культуры с раннего утра, надраивая полы, расставляя стулья в президиуме актового зала для почетных гостей и отлаживая звук на микрофоне. Ожидался большой торжественный концерт. Даже гала-концерт, потому что Ваган должен был демонстрировать фокусы, супруга подполковника Казанцева, Роза Львовна, — играть на пианино бетховенскую пьесу «К Элизе», Багдат — показывать силовые упражнения с гириями, а пионеры из ближайшей школы — танцевать «Яблочко». В заключение весь состав «Голубых погон» собирался исполнить бессменное «Не зря в судьбе алеет знамя».

Но тут Сашка дал маху. Пацаны из самолетной obsługi потихоньку приволокли за кулисы разбавленный авиационный спирт. И он на правах «деда» несколько раз к нему приложился, пока Ваган на сцене плел в воздухе затейливые кружева, а

Багдат подкидывал гири под дружные аплодисменты офицеров и их нарядных жен. В результате, когда пришло время петь про знамя, Сашке прихорошело настолько, что он даже микрофон не смог подключить. А ведь он был в ВИА солистом, по-новомодному хедлайнером, и запевал каждый куплет, после чего остальные бодро горланили припев.

Сунув Сашке микрофон, Багдат оглядел солиста с некоторой тревогой и прошептал:

— Ты с чего так назююкался-то?

— Так праздник же, — глупо улыбаясь, поведал Сашка и с интересом взорился в слабо освещенный зал, где, как ему показалось, промелькнула новая библиотечка.

Багдат только головой покачал.

— Выступает вокально-инструментальный ансамбль «Голубые погоны»! Музыка Мовсисяна, слова Рождественского! «Мы армия народа»! — хорошо поставленным звенящим голосом с легким армянским акцентом объявил Ваган и под общие аплодисменты встал на свое место к ударной установке.

Сашка выпрямился, стараясь максимально сохранить равновесие, и залихватски пропел первый куплет:

— Стоим мы на посту повзводно и поротно, бессмертны, как огонь, спокойны, как гранит, мы армия страны, мы армия народа, великий подвиг наш история хранит!

Прозвучал проигрыш, и остальные «битлы» задорно грянули:

— Не зря в судьбе алеет знамя... — и далее по тексту Роберта Рождественского, который, хоть и был замечательным поэтом, но для этой песни явно не очень постарался. Однако подошло время второго куплета. Сашка снова бойко ударил по струнам и во весь голос завел:

— Стоим мы на посту повзводно и поротно, бессмертны, как огонь, спокойны, как гранит, мы армия страны, мы армия народа, великий подвиг наш история хранит!

Он заметил, как Багдат, возвышавшийся рядом, изумленно разинул рот — не для того, чтобы петь, а просто разинул. Вдаваться в причины изменения его мимики Сашке было некогда — настала пора припева про алеющее знамя.

К сцене почему-то пробился капитан Калинин. Глаза его метали молнии, он беззвучно шевелил губами. Сашка опять же не понял, чего он там хотел, как не понял и того, почему Ваган таращится на него, выразительно дергая черными бровями.

Но разбираться во всем этом ему снова оказалось некогда — подошло время для следующего куплета. Сашка в очередной раз бодро стиснул микрофон и загорланил:

— Стоим мы на посту повзводно и поротно, бессмертны, как огонь, спокойны, как гранит...

Он хорошо усвоил, что всего куплетов три, этот как раз был третьим по счету, так что Сашкино соло на этом и заканчивалось. Оставалось допеть припев, что он и сделал вместе со всеми. Гром аплодисментов, десять шагов к свободе, и Сашка с облегчением нырнул за кулисы, за пыльный бархатный занавес. Там, однако, его сгребли за грудки крепкие лапы Багдата. Сашка обалдело мотался в этих лапах туда-сюда, как тряпичная кукла, а над его головой гремел свирепый бас капитана Калинина:

— Ты что, издеваешься, что ли, Богданов?!

Сашка никак не мог взять в толк, почему это он издевается. Его даже замутило от немилосердной тряски. Но тут рядом с ним прозвенел негодующий и чистый девичий голосок:

— Да вы что?! Разве он издевается? Он же просто забыл слова! Он переволновался и забыл! Как Мишка в «Денискиных рассказах»! «Папа у Васи силен в математике», вы что, не читали, что ли?

Сашка повернул гудящую голову и встретился взглядом с серыми сочувственными глазами новой библиотечарши, сияющими за стеклами очков. Ее тонкие пальцы решительно потеребили Багдата за рукав, и тот послушно поставил Сашку на пол.

Папа у Васи?.. Вот черт, сообразил вдруг Сашка, да он ведь и правда спяну спел трижды один и тот же, первый, куплет этой несчастной песни!

Он снова заглянул в широко раскрытые ясные глаза библиотечарши и окончательно офигел, поняв — она действительно так думала! Что он просто волновался!

— Папа у Васи, значит? — крикнул капитан Калинин, потирая щеку. — Ну-ну.

На следующий день Варвара обложила журналами «Советский воин» и принялась готовить беседу о неуставных отношениях, вернее, об их недопустимости в крепкой армейской семье. Маявшийся головной болью Сашка и Васька болтались рядом, по мере сил ее консультируя.

— Нет, — сказала Варвара, задумчиво грызя кончик шариковой ручки, — я что-то недопонимаю.

Губы у нее были красивые, хоть и ненакрашенные. Пухлые такие.

— В войну ведь не было никакой дедовщины, что в Отечественную, что в афганскую, — серьезно продолжала она. — Потому что один за всех и все за одного, сам погибай, а товарища выручай. Как же иначе?

Сашка закашлялся. Хотел ли он погибнуть за рыжего? Как-то раньше он об этом не задумывался.

— Знаешь... — пробормотал он неловко. — Мы же не на войне. Давай не будем про это.

«Афганка» еще шла где-то там, очень далеко от их дальневосточного города, в который почти не приходили самолеты с «грузом двести». Сашка сам пел под гитару про эти самолеты, про Кандагар и про ребят, которых надо прикрыть с «вертушки» от душманских пуль. Он растерянно переглянулся с Васькой.

— Давай, — с готовностью согласилась Варя. Глаза у нее стали тревожными.

— Просто они же ничего не знают, эти салабоны... ну, новобранцы то есть, — попытался объяснить Сашка. — Если я их всему учу, пока они не «наблатыкаются», то я же их и строю, это справедливо.

— Ты? — ахнула Варвара, и Сашка спохватился:

— Ну, это к примеру. Какое тут, в армейке, братство? Человек человеку — волк. Ни денег, ни жратвы, грузят все время разной бедой... писем из дому нет, девчонка бросила... Никакого просвета. А ты про братство.

Получилось с надрывом, он даже сам испугался, а Варварины глаза стали больше оправы ее старомодных очков. Она пролепетала, глядя то на него, то на притихшего Ваську:

— Если вам нужны деньги или вы есть хотите, ребята, вы только скажите, я помогу, чем могу...

— Скажем, — мгновенно ляпнул балбес Васька. Ну как было не отвесить ему щелбан по рыжему стриженому затылку? Сашка чудом удержался.

— Не скажем, — угрюмо буркнул он. — Вот еще!

— Тебя что, девчонка бросила? — горестным шепотом спросила Варвара.

— Н-нет! — замотал головой Сашка. Девчонок он сам бросал направо и налево, даже не вспоминая, как их звали. — Говорю же — я для при-ме-ра!

— А-а, — немного успокоилась Варвара. — Ну ладно тогда.

Вскоре Варвара одалживала «битлам» то рубль, то трешку — Сашка сумрачно настаивал на том, что она именно одалживает — таскала им из дому мамыны пирожки с картошкой и капустой, а также дедушкины рубашки — точь-в-точь клетчатые ковбойки Шурика из «Операции Ы!», — для того чтобы парни могли пойти в город хотя бы на верхнюю половину в штатском, а не в застиранных гимнастерках.

В этих ковбойках она и вывела «битлов» на шумевший спектакль первого на Дальнем Востоке независимого экспериментального молодежного театра. Театр назывался «Мы!» — именно так, с восклицательным знаком, — а шумевшим спектаклем стала эпатажная трактовка пьесы Чехова «Вишневый сад».

— Я уже купила билеты, — объяснила Варвара, умоляюще уставившись на «битлов». — Это совсем недорого. Ребята, мы с вами, как культурные люди, просто обязаны посмотреть этот спектакль!

Культурные люди переглянулись с некоторой тоской во взорах, а Сашка промямлил: — Ну-у... э-э-э... мы как бы в армии вообще-то... Ю ин зе арми нау. А это получается самоволка.

Песня «You're in the army now» как раз гремела из раскрытых настежь окон и даже из динамиков в парке имени Гагарина. Не давая забыть о тягостном настоящем.

— На танцуйки-то в парк по вечерам бегаешь... в кустах шуршать, и ничего, — поддел его нечуткий Багдат.

— Ладно, — буркнул Сашка, незаметно ткнув ехидного татарина кулаком в твердый бок. — Будем культурно развиваться. Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими.

Варвара приняла сарказм за чистую монету и радостно закивала.

Поздним воскресным вечером четверо «битлов» в дедушкиных обносках и Варвара стояли в полуподвальном театральном фойе, оформленном то ли под ночлежку, то ли под бомбоубежище, и с любопытством озирались по сторонам, ожидая божественных откровений. Чего-нибудь типа спектаклей Романа Виктюка, которого ругали в «Советской России», а в «Огоньке», наоборот, хвалили. У Виктюка, кажется, даже была обнаженная натура!

Но никакой природы они не дождались, а дождались появления подполковника Казанцева — в штатском и с супругой под ручку. Начальник Дома офицеров тоже решил приобщиться к высокому искусству и божественным откровениям. Узрев своих орлов во главе с библиотечаршей, подполковник вскинул брови так высоко, что они почти достигли лысины.

Варвара немедленно выступила вперед, заслоняя собою застывших статуями офигевших «битлов» и затараторила как ни в чем не бывало:

— Добрый вечер. Вы тоже пришли на спектакль, Иван Алексеевич?

По Сашкиному мнению, было предельно ясно, что подполковник пришел вовсе не за картошкой, но так же ясно было, что Варвара просто пытается вести светскую беседу.

— Хм, — отозвался подполковник, буравя орлов выразительным взором. — Да. Добрый вечер. Розочка, это Варвара Андреевна, наша завбиблиотекой. Культурно просвещает контингент.

Контингент тем временем, немного придя в себя, потихоньку пятился к выходу из театра, приятно улыбаясь подполковничьей супруге. Варвара вовремя всех догнала и потянула за собой в зал под сардоническим прищуром Казанцева.

Божественные изыски театральной труппы миновали «битлов». Их не впечатлило даже привидение, вывалившееся непонятно зачем из «мноغوважаемого шкафа», к которому по ходу пьесы обращался с монологом чеховский персонаж. Они едва

досидели до антракта, и там уж Варвара не смогла их удержать, вылетев вместе с ними под начавшийся дождичек.

— Все, — мрачно предрек Сашка, пока они мчались к автобусной остановке. — Конец. «Губа»! Таежка!

Таежка была местным танковым полигоном и сущей каторгой по сравнению с родным Домом офицеров.

Но Варвара подкараулила подполковника на следующее утро прямо на подходе к очагу культуры и горячо зачестила, молитвенно сложив руки перед собой, как отрок Варфоломей на знаменитой картине Нестерова:

— Иван Алексеевич! Ребята не виноваты! Они не хотели! Это я их уговорила и сама купила им билеты! Ведь об этом спектакле все говорят! Надо же повышать культурный уровень гарнизона! Можно записать это как культмассовое мероприятие! Иван Алексеевич...

Подполковник посмотрел в круглые умоляющие глаза Варвары, потом — на «битлов», которые с самого рассвета усердно возили метлами по лужам, расчищая от листвы дорожки, и махнул рукой.

Все обошлось.

Под крылышком Варвары парни благоденствовали. Ни одна шалава так их не опекала — будто мама. Ну или сестра. Соответственно, именно так они и стали к ней относиться — все, кроме Сашки, для которого, как в первобытные времена, каждая половозрелая особь противоположного пола, не связанная с ним по факту узам кровного родства, являлась объектом охоты. Поэтому при виде Варвары у него тоже автоматически включалась программа тетеревиного токования, распускания хвоста и рассылания обволакивающих томных взоров. Беда была только в том, что Варвара — возможно, сослепу — этих масляных взглядов совершенно не замечала, а токования не слышала, ибо всегда находила тему для более интересного разговора — например, о вышедшей в журнале «Нева» повести Владимира Высоцкого.

Как-то вечером Багдат припер Сашку к стене возле каптерки и очень тихо, но выразительно произнес:

— Ты, Казанова хренов, завязывай на Варьку глаз ложить и с толку ее сбивать!

Материализовавшийся рядом, как по волшебству, Васька с Ваганом согласно закивали, словно китайские болванчики. Такой болванчик стоял у Сашкиной бабушки в серванте и кивал очень долго, если в него тыкали пальцем.

— Нет такого слова в русском языке «ложить»! — вяло огрызнулся Сашка. Без боя он сдаваться не привык. — Есть слово «класть». Чего вы на меня взъелись?

— Того, — исчерпывающе сообщил Багдат, не выпуская его плеча. Прищур у него был нехороший, будто у какого-то Челубея. — Ты же трахаешь все, что движется, а что не движется — толкаешь и тоже... того. Так вот. Варьку не трожь. Я понятно объясняю?

— Да что ты пристал?! — взъярился Сашка, с трудом отпихнув от себя этого мастодонта и раздраженно поправив выбившуюся из-под ремня гимнастерку. — Вы что, не видите — она даже не понимает, что я пытаюсь ее склеить!

Он впервые озвучил мысль, царапавшую его самолюбие, как заноза. С Варварой его кобелиный обаяж впервые не сработал. Даже сталкиваясь с полуголым Сашкой где-нибудь возле умывальника, она доброжелательно взирала на него, словно детсадовка на товарища по младшей группе, только что слезшего с горшка.

— А мы о чем? — внушительно подтвердил Багдат. — Она не такая. Вот и не лезь!

— Солдат ребенка не обидит, — пробурчал Сашка, косясь на пацанов с некоторой опаской: в таком рыцарском запале они вполне могли ему и в морду въехать. И Варвары не было рядом, чтобы его выручить! — Я ж как лучше для нее хочу, вы, олухи! Чего она как малолетка? Мама ее сюда из школы специально переправила. Чтобы она тут начала... того... вести недетскую жизнь. Сама же Варька рассказывала, вы что, не помните?

— С тобой, что ли, вести? — снова нехорошо прищурился Багдат.

— Да хоть с кем! — выверился Сашка. — Здоровый секс полезен для здоровья! Надо же ей с кем-то встречаться... относиться...

Ваган сморщился так, словно кислую антоновку раскусил. Нежный какой!

— Короче, — решительно заявил Сашка и еще раз одернул гимнастерку. — Я просто произведу эксперимент. Попробую ее окучить прямо при вас!

— Э-э? — оторопел Багдат.

— Да! — с пафосным надрывом провозгласил Сашка. — При вас, придурки, понятно? Чтобы вы меня хрен знает в чем не подозревали! Ну, то есть, не совсем при вас, но вы будете типа за углом. Если ее не пробьет, я умою руки, как Понтий Пилат, и отступлюсь. Честное пионерское, под салютом.

Про Понтия Пилата Сашка вычитал у Булгакова — Варвара сама отложила ему дефицитную книжку.

— Больной, — после некоторого раздумья резюмировал Багдат, посмотрев в Сашкины вытаращенные от решимости глаза. — Ладно, гусар летучий, рискни. В первый и последний раз. А мы присмотрим.

И продемонстрировал Сашке свой смуглый кулак — размером с футбольный мяч, никак не меньше.

— Троглодит, — скорбно вздохнул Сашка и принялся напряженно обдумывать детали операции, призванной пробудить Варвару, как спящую красавицу из сказки, к активной половой жизни

Желательно, конечно же, с ним.

Операцию под кодовым названием «Спящая красавица» Сашка назначил на субботу, потому что по субботам в очаге культуры не толкались офицеры, а Варвара, наоборот, была на рабочем месте до самого вечера. Да и видеоманитофон «Сони» по субботам всегда обретался в каптерке на хранении. Зато по воскресеньям он нещадно эксплуатировался в видеозале, с утра демонстрируя мелюзге «Тома и Джерри», днем — «Коммандо» или «Рэмбо» мелюзге постарше. А по вечерам наступало время эротики в виде «Эммануэли».

Поразмыслив, Сашка решил «Эммануэль» пока не использовать, а подобрать порнуху покруче, чтобы до неразбуженной Варвары сразу дошло, что к чему и почему. «Горячие пляжные девочки» для его просветительских целей вполне годились.

— Варь, а можно тебя попросить, — начал он, подкравшись к Варваре примерно за час до закрытия библиотеки.

Та с готовностью кивнула, хотя понятия не имела, о чем он собирался просить. Сашка даже почувствовал некоторые угрызения совести, но уверил себя, что все это он затеял исключительно для Варвариной пользы. Что это такое, в самом деле, девчонке двадцать три, а она все как грудной младенец! В СССР секса нет, что и ляпнула какая-то дурища на телемосте Владимира Познера. Такого позорища Сашка, как передовой комбайнер сексуальной нивы, спокойно пережить не мог.

— Заштопай мне, пожалуйста, гимнастерку, порвал, — вздохнул он.

— Так неси, — удивилась Варвара.

— А после работы у нас в каптерке можешь? Тут как-то неудобно. Не торопишься? — скороговоркой осведомился Сашка и затаил дыхание.

— Конечно, могу, — пожалала плечами Варвара. — Закрою библиотеку и заскочу. Ты там все приготовь.

— Угу, — промычал Сашка и испарился. Он уже все приготовил!

Ровно в шесть на его шуганул от каптерки за угол коридора отиравшихся там «битлов» во главе с настороженным Багдатом, который так переживал за библиотекаршу, словно та была его родной сестрой, отданной на растерзание насильнику. От его укоризненных взоров Сашка и вправду почувствовал себя каким-то растлителем малолетних. Вот черт...

Наконец по скрипучим половицам бодро простучали Варькины каблучки, Сашка незаметно показал Багдату кулак и гостеприимно распахнул перед Варварой дверь каптерки.

— Прошу!

И даже прищелкнул стоптанными каблуками своих кирзачей, как кавалергард, хоть это и было нелепо. Варвара, конечно, прыснула.

Койку, на которой ей предстояло сидеть, Сашка предусмотрительно застелил свежим одеялом, на тумбочку водрузил видак и телик, а окно задернул занавеской для создания интима. Любую другую девчонку все эти нововведения в каптерке, как минимум, насторожили бы, но не Варвару. Та рассеянно огляделась, деловито устроилась на койке и спросила:

— Что зашить-то?

Свое обмундирование, грешным делом, Сашка специально порвал. Он мгновенно сунул Варваре в руки разодранную по шву многострадальную гимнастерку, катушку с иголкой и сделал щенячьи глазки, как бессердечный Багдат называл этот его взгляд.

Дождавшись, когда Варвара склонит голову над шитьем, он потихоньку включил видак. А потом так же втихаря присел на край койки рядом с Варварой — коленом к колену.

Раздолбанная койка скрипнула и прогнулась, Варвара озадаченно покосилась на Сашку. Пляжные девочки на экране закопошились в песке и призывно замурлыкали. Появился загорелый бугай в плавках и принялся сдирать с них бикини. Варвара мельком глянула на бугая, откусила нитку и снова опустила взгляд на шитье.

«Привет вам всем в шляпу», — обиженно подумал Сашка. Обидно ему стало не только за себя, но и за старающегося бугая. Обслуживать трех девок разом сам Сашка нипочем бы не взялся.

Он кашлянул и поглядел на остроносый Варькин профиль. Потом на ее коленки, где раскинулась его заношенная гимнастерка. Он приподнял свое тряпье за краешек и нырнул под него рукой. Под него и под Варькину старомодную юбку. Коленки там оказались теплыми и круглыми, Сашка затаил дыхание.

Варвара оторвалась от своего занятия и удивленно уставилась на него:

— Ты чего, Сань?

— Э-э... — промямлил Сашка. Под этим кротким и невинным взглядом тропинской кружевницы он даже перестал вслушиваться в стоны и вздохи, несущиеся от телевизора. Но руку не убрал. — Ты вообще понимаешь, что мы тут смотрим?

— Нет, я же шью, — серьезно объяснила Варвара и близоруко вперилась в экран. По ее сосредоточенному лицу было заметно, что она старательно пытается разобраться в происходящем.

— Это порнуха, — проскрежетал Сашка замогильным голосом. Варвара обратила внимание на экранное действие, но на его ладонь у себя под юбкой — ни капельки. — Мужик и три девчонки. На пляже. Поняла?

Варвара даже шею вытянула.

— О... — она округлила глаза. — А-а... Вот, значит, как это происходит! Я так и думала, что это несложно.

Сашка поперхнулся.

— Знаешь, я сама догадалась, как это должно быть, когда читала «Трех мушкетеров», — живо похвасталась Варвара, поворачиваясь к нему. — Но тут-то, конечно, гораздо понятнее, потому что наглядно. Спасибо, что показал, — она пошевелила коленкой, и Сашка машинально отдернул руку. — Но мне кажется, что в данный момент им всем, — она указала подбородком на экран, — как-то не очень удобно. Он что, не может это с каждой по очереди делать? Пусть остальные подождут, он же не убежит.

Сашка сам готов был убежать. Он даже вскочил. Не изучи он Варвару настолько хорошо, решил бы, что она издевается. Но она не издевалась, она в самом деле так думала!

У него вмиг упало все, что начало подниматься.

Дверь каптерки со скрипом приоткрылась, и в щель нетерпеливо просунулись три злорадно ухмыляющиеся рожи. Как же Сашка их ненавидел!

— Подслушивали, уроды? — устало прошипел он.

Багдат, широко улыбаясь, протянул руку и вывернул звук в телевизоре. Четыре голых тела на экране продолжали кувыркаться в песке, но уже в немом режиме. Это похоже на художественную гимнастику, промелькнуло в голове у Сашки. Варвара свет Андреевна кого угодно могла навести на столь невинные открытия. По крайней мере, раньше порнуха никогда не навевала Сашке таких ассоциаций.

— Ты уже зашила этому гусару все, что надо? — жизнерадостно поинтересовался Багдат, обрушиваясь на соседнюю койку. Пошарил под нею и извлек оттуда свой аккордеон. — А то я тебе могу поиграть.

— Ой, давай, — обрадовалась Варвара. — У тебя так здорово получается!

Сашка едва не заплакал от досады. Операция «Спящая красавица» с позорным треском провалилась.

— Народная татарская песня «Кубэлэк»! — торжественно объявил Багдат и сосредоточенно склонился над аккордеоном.

...Когда капитан Калинин, решивший все-таки в субботу вечером навестить вверенный ему контингент, заглянул в каптерку, то обнаружил там идилическую картину. Варвара Андреевна прилежно штопала гимнастерку рядового Богданова, сержант Сейфуллин упоенно наигрывал на аккордеоне национальные мелодии, рядовые Иваненко и Оганесян благоговейно им внимали, притулившись за широкой спиной сержанта. А рядовой Богданов отрешенно пялился на экран подключенного к видеоманитофону телевизора. На экране мельтешили какие-то тени, но при выключенном звуке сложно было разобраться, что там происходит. Капитан прищурился.

Багдат оборвал мелодию и вскочил, опустив аккордеон на койку. Экран телевизора вмиг погас — это постарался опомнившийся Сашка. Взлетели со своих мест и остальные орлы.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — лихо отрапортовал Багдат. — Личный состав гарнизонного Дома офицеров Советской армии занимается самоподготовкой! Докладывает сержант Сейфуллин!

— Добрый вечер, Игорь Владимирович, — приветливо поздоровалась Варвара, тоже поднявшись с койки. — Я вот... Саше помогла гимнастерку зашить. То есть рядовому Богданову. У меня все равно лучше получается, чем у него. Вы его не ругайте, пожалуйста, я сама вызвалась и уже ухожу. Мама меня просила талоны на сливочное масло и на сахар отovarить. До свидания.

Она сунула гимнастерку в руки окаменевшему Сашке, проворно взяла с кровати свою сумочку и попятилась к двери.

Капитан Калинин и орлы задумчиво проводили ее глазами.

— Видеомагнитофон в кассу унесите, оглоеды, — устало велел Калинин.

Слово «оглоеды» не было уставным выражением, но суть отражало точно.

«Битлы» завалились спать в полном молчании, которое нарушил Багдат, обращаясь к Сашке:

— Убедился?

Сашка еще немного помолчал, тяжело вздохнул и отозвался:

— Убедился. Я не ее принц. Пусть ждет своего. Но... — он выдержал многозначительную паузу и закончил: — Хоть принцем я и не буду, но феей-крестной — постараюсь.

— Это как понимать? — настороженно поинтересовался Багдат.

— Увидишь, — загадочно отозвался Сашка. — Увидишь и обалдеешь.

Сашка решил выполнять миссию крестной феи, начиная со следующего рабочего дня Варвары Андреевны — со вторника. Он промаршировал по красной ковровой дорожке, расстеленной от дверей библиотеки до Варвариной кафедры, и сурово спросил:

— Ты почему не красишься? Косметики нету или не умеешь?

Варвара смущенно посмотрела на него сквозь очки. Ее бледные щеки слегка порозовели.

— Не умею, — честно призналась она. — Купить, наверно, можно, хотя я точно не знаю где. В галантерее? У меня мама не красится.

Сашка уже понял, что все бытовые знания об окружающем мире Варвара получала от мамы.

— Никакой галантереи! — ужаснулся он. — Что ты там достанешь? Тушь производства фабрики «Красная заря»?

— А что, есть какая-то другая? — хлопнула ненакрашенными ресницами Варвара.

— Понятно, — резюмировал Сашка после паузы. — Косметика за мной.

В очередной раз возблагодарив свои связи в женском мире, он втихаря покинул Дом офицеров и вернулся с целым косметическим набором. Чтобы пополнить такой дефицит, ему пришлось рассказать Свете из «Военторга» все как есть про новую молодую библиотекаршу, которая не умеет краситься и не знает, где достать приличную косметику.

— Импортную, — подчеркнул Сашка. — Польскую хотя бы.

— Что, глаз на девку положил? — ревниво прищурилась Света.

— Ни в коем случае, — честно заверил Сашка. — Нетронутые цветучки не по моей части, ты же сама знаешь, Светуля.

Светуля с подозрением посмотрела в его правдивые очи, вздохнула: «Да уж знаю» и поманила в подсобку, откуда он вышел только через полчаса, убогатворенный, убогатворивший и нагруженный польской тушью, двумя видами теней, румянами и помадой. Все это добро уместилось в аккуратной косметичке, которую расцедрившаяся Светуля выдала довеском.

— Это мне? Ты с ума сошел... — пролепетала потрясенная до глубины души Варвара, когда Сашка позвал ее в каптерку и величественным жестом высыпал на койку содержимое косметички. — Сколько я тебе должна?

— Молчи, женщина, — отрезал Сашка голосом благородного грузинского разбойника Даты Туташхии. — Это я тебе задолжал. Мы все. И потом, я за это ни копейки не заплатил.

— А как же?.. — совсем растерялась Варвара.

— Да вот так, — вздохнул Сашка, разглядывая ее наметанным взором. Чистый лист, право слово. Но это было даже хорошо. — Ты что, совсем никогда не красилась? — спросил он, хотя уже был уверен в ответе. — Ладно, смотри. Вот это маскара, тушь то есть, для ресниц. Это тени. Тут по два цвета в каждой коробочке — голубой и серебристый, зеленый и золотистый. Зеленый кладешь на верхнее веко, золотистый растушевываешь под бровь. Это комплект. Так же и голубой с серебристым. Тебе и то, и то пойдет, у тебя глаза серые. А румяна — вот сюда, на скулы мажь и растушевывай кисточкой. Ты поняла? Ва-арь?

— Саня, но я ничего этого не умею... — в ужасе зашептала Варвара, уставившись на красивые коробочки, будто на гнездо смертельно ядовитых скорпионов. Она чуть не плакала. — Я только все испорчу!

— Господи, чего ты там испортишь? Ну сходи к бабам в бухгалтерию, они тебе покажут, как надо, — досадливо проворчал Сашка.

— Я не могу! — в панике воскликнула Варвара. — Они будут надо мной смеяться! И так уже смеются!

«Сучки», — подумал Сашка, вздохнул и скомандовал:

— Тогда бери зеркало. Угу, вот это (зеркальце, все в потеках мыльной пены, служило парням во время бритья). Сейчас потренируемся. Тяжело в ученье — легко в бою, кто сказал?

— Суворов... — пробормотала Варвара, дрожащими пальцами беря коробочку с румянами. — Александр Васильевич.

Когда обновленная библиотечка в окружении «битлов» вернулась в библиотеку и снова уселась за свою кафедру, Сашка почувствовал такую гордость, словно в самом деле вывел Золушку на бал. Ваган показал ему большой палец, Васька уважительно развел руками, а Багдат одобрительно похлопал по плечу своей увесистой дланью.

— Теперь очередь очков, — объявил Сашка не терпящим возражений тоном, подойдя к кафедре и пронизывающе уставившись в благодарные Варварины глаза.

В городской «Оптике» у него тоже имелись связи. Все-таки, как ни крути, секс был великой силой. Когда-нибудь Варваре предстояло это понять, подумал Сашка и деловито добавил:

— Что у тебя с ногами?

— А что такое с моими ногами? — испугалась Варвара.

— Тоже не понял, — сурово встрял Багдат, а остальные посмотрели на Сашку с любопытством.

— Вот именно, что ничего, — отрубил тот. — А должно быть что-то. В смысле, ноги у тебя первый сорт, красивые. Сам убедился.

Варвара разинула рот и залилась румянцем, видимо вспомнив сцену в каптерке.

— Но их никому не видно, — безапелляционно заключил Сашка, не обращая внимания на изменения в Варькиной окраске. — А должно быть видно. Поэтому, Варвара Андреевна, берете ножницы и — чик-чик... — он подвигал растопыренными пальцами в воздухе, — режете все свои юбки так, чтобы они не прикрывали ваших красивых колен. Или мне принесите, я обрежу.

— Мама... — слабым голосом проблеяла Варвара, уставившись на Сашку с мольбой и благоговением.

— Мама поймет, — торжественно заверил ее Багдат, тоже покосившись на Сашку прямо-таки восхищенно, и тот приосанился.

В каптерке Багдат уважительно сказал Сашке:

— Кино такое было... или спектакль. Я забыл, как называется. Вроде бы какой-то профессор нашел на улице цветочницу...

— «Пигмалион», — радостно отрапортовал начитанный Ваган. — Профессор Хиггинс и Элиза! Он на пари представил ее герцогиней!

— И женился? — заинтересовался Васька.

— Вроде нет, — почесал в затылке Ваган. — А настоящий древнегреческий скульптор... ну, про которого миф, Пигмалион-то, этот женился!

Все внимательно посмотрели на Сашку, и он даже вспотел.

— Я жениться не собираюсь, — со всей решительностью заявил он. — Погулять охота. И вообще... Скоро дембель.

Варвара Андреевна покинула Дом офицеров даже раньше дембельнувшихся по весне Сашки и Багдата. Сперва на Новый год она в обновленном виде и прикиде съездила по путевке в какой-то черноморский санаторий. Путевка досталась ей легко, потому что был не сезон. А вернулась она, как говорили в старину, уже помолвленной. Сашка только крикнул, глядя на фотографию жениха Михаила, которую Варвара всем со счастливой гордостью демонстрировала. Черноволосый крепкий парень на фотографии тоже счастливо и гордо улыбался. Еще бы!

— Ужгород — это где? — спросил Сашка, стараясь, чтобы его голос не звучал слишком уж уныло. — На границе с Польшей, что ли? Далековато...

В его голосе все-таки просквозила вселенская тоска, и Багдат утешительно похлопал его по плечу.

— Страна-то большая, — рассудительно заметил он. — Будем встречаться где-нибудь посередине. У меня в Самарканде, например. Там у нас во-от такие дыни! И виноград. Не горюй, Сань. Встретимся, куда мы денемся!

Ваган и Васька энергично закивали.

— Обязательно встретимся, Портос, — через силу усмехнулся Сашка.

Шел тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. До распада Советского Союза оставалось около двух лет.

Развалилась Берлинская стена и режим Чаушеску в Румынии. Литва и Латвия приняли декларации о государственном суверенитете. По телевизору начались прямые трансляции со скандальных заседаний первого съезда народных депутатов СССР, «Рабыня Изаура» ежевечерне собирала зрителей, а бывшие диссиденты учредили общество «Мемориал».

Сотовой связи, интернета и социальных сетей еще и в помине нет и не было.

А через двадцать пять лет Варвара, Багдат, Сашка, Ваган и Васька все же встретились, но у же на «Одноклассниках.Ру».

